

Уроки врачевания гордыни

Гордость — болезнь духа.

**Протоиерей Иоанн
(Восторгов)**

Святитель Игнатий Брянчанинов

Мнимое смирение — порождение гордости [\[1\]](#)

Смирение не видит себя смиренным. Напротив того, оно видит в себе множество гордости. Оно заботится о том, чтобы отыскать в себе все ее ветви; отыскивая их, усматривает, что и еще надо искать очень много.

Преподобный Макарий Египетский, нареченный Церковью Великим за превосходство своих добродетелей, особливо за глубокое смирение, отец знаменосный и духоносный, сказал в своих возвышенных, святых, таинственных беседах, что самый чистый и совершенный человек имеет в себе нечто гордое (Беседа 7, гл. 4). Этот угодник Божий достиг высшей степени христианского совершенства, жил во времена, обильные святыми, видел величайшего из святых иноков, Антония Великого, — и сказал, что он не видел ни одного человека, который бы вполне и в точном смысле слова мог быть назван совершенным (Беседа 8, гл. 5).

Ложное смирение видит себя смиренным: смешно и жалостно утешается этим обман-чивым, душепагубным зрелищем.

Сатана принимает образ светлого ангела; его апостолы принимают образ апостолов Христовых (2 Кор. 9, 13–15); его учение принимает вид учения Христова; состояния, производимые его обольщениями, принимают вид состояний духовных, благодатных: гордость его и тщеславие, производимые ими самообольщение и прелесть принимают вид смирения Христова.

Ах! Куда скрываются от несчастных мечтателей, от мечтателей, бедственно-довольных собою, своими состояниями самообольщения, от мечтателей, думающих наслаждаться и блаженствовать, куда скрываются от них слова Спасителя: *Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь и горе вам, пресыщенные ныне, горе вам смеющиеся ныне* (Лк. 6, 21, 25)?

Посмотри попристальнее, посмотри безпристрастно на душу твою, возлюбленный брат! Не вернее ли для нее покаяние, чем наслаждение? Не вернее ли для нее плакать на земле, в этой юдоли горестей, назначенной именно для плача, нежели сочинять для себя безвременные, обольстительные, нелепые, пагубные наслаждения?

Покаяние и плач о грехах доставляют вечное блаженство: это известно, это досто-верно, это возвышено Господом. Почему же тебе не погрузиться в эти святые состояния, не пребывать в них, а сочинять себе наслаждения, насыщаться ими, удовлетворяться ими, ими истреблять в себе блаженную алчку и жажду правды Божией, блаженную и спасительную печаль о грехах твоих и о греховности?

Алчба и жажда правды Божией — свидетели нищеты духа, плач — выражение смирения, его голос. Отсутствие плача, насыщение самим собою и наслаждение своим мнимо духовным состоянием обличают гордость сердца.

Убойся, чтобы за пустое, обольстительное наслаждение не наследовать вечного горя, обещанного Богом для насыщенных ныне самовольно, в противность воле Божией.

Тщеславие и чада его — ложные наслаждения духовные, действующие в душе, не проникнутой покаянием, создают призрак смирения. Этим призраком заменяется для души истинное смирение. Призрак истины, заняв собою храмину души, заграждает для самой Истины все входы в душевную храмину.

Увы, душа моя, Богозданный храм истины! — приняв в себя призрак истины, поклонившись лжи вместо Истины, ты соделываешься капищем!

В капище водружен идол: мнение смирения.

Мнение смирения — ужаснейший вид гордости. С трудом изгоняется гордость, когда человек и признает ее гордостью. Но как он изгонит ее, когда она кажется ему его смирением?

В этом капище горестная мерзость запустения! В этом капище разливается

фимиами кумирслужения, воспеваются песнопения, которыми увеселяется ад. Там помыслы и чувства душевные вкушают воспрещенную снедь идоложертвенную, упиваются вином, смешанным с отравой смертоносной. Капище, жилище идолов и всякой нечистоты, недоступно не только для Божественной благодати, для дарования духовного, — недоступно ни для какой истинной добродетели, ни для какой евангельской заповеди.

Ложное смирение так ослепляет человека, что вынуждает его не только думать о себе, намекать другим, что он смирен, но открыто говорить это, громко проповедовать.

Жестоко насмехается над нами ложь, когда, обманутые ею, мы признаем ее за истину.

Благодатное смирение невидимо, как невидим податель его Бог. Оно закрыто молчанием, простотою, искренностью, непринужденностью, свободою.

Ложное смирение — всегда с сочиненною наружностью: ею оно себя публикует.

Ложное смирение любит сцены: ими оно обманывает и обманывается. *Смирение Христово облечено в хитон и ризу* (Ин. 19, 24), в одежду самую безыскусственную: покровенное эту одежду, оно не узнается и не примечается человеками.

Смирение — залог в сердце, святое, безыменное сердечное свойство,

Божественный навык, рождающийся неприметным образом в душе от исполнения евангельских заповедей (прп. авва Дорофей, Поучение 2),

Действие смирения можно уподобить действию страсти сребролюбия. Зараженный недугом любви к тленным сокровищам чем более накапливает их, тем делается и ненасытнее. Чем он более богатеет, тем для себя самого представляется беднее, недостаточнее. Так и водимый смирением чем более богатеет добродетелями и духовными дарованиями, тем делается скуднее, ничтожнее пред собственными взорами.

Это естественно. Когда человек не вкусил еще высшего добра, тогда собственное его добро, оскверненное грехом, имеет пред ним цену. Когда же он причастится добра Божественного, духовного, тогда без цены пред ним его добро собственное, соединенное, перемешанное со злом.

Дорог для нищего мешец медниц, собранный им в продолжительное время с трудом и утомлением. Богач неожиданно высыпал в его недра несметное число чистых червонцев, и нищий кинул с презрением мешец с медницами, как бремя только тяготящее его.

Праведный, многострадальный Иов по претерпении лютых искушений сподобился Боговидения. Тогда он сказал Богу во вдохновенной молитве: *Слухом убо уха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя*. Какой же плод прозяб в душе праведника от Боговидения? Тем же, продолжает и заключает Иов свою молитву, *укорих себе сам, и истаях; и мню себе землю и пепел* (Иов. 42, 5–6).

Хочешь ли стяжать смирение? — Исполни евангельские заповеди: вместе

с ними будет вселяться в сердце твое, усваиваться им святое смирение, то есть свойства Господа нашего Иисуса Христа.

Начало смирения — нищета духа, середина преуспеяния в нем — превысший всякого ума и постижения мир Христов, конец и совершенство — любовь Христова.

Смирение никогда не гневается, не человекоугодничает, не предается печали, ничего не страшится.

Может ли предаться печали тот, кто заблаговременно признал себя достойным всякой скорби?

Может ли утрашиться бедствий тот, кто заблаговременно обрек себя на скорби, кто смотрит на них, как на средство своего спасения?

Возлюбили угодники Божии слова благоразумного разбойника, который был распят близ Господа. Они при скорбях своих обвыкли говорить: *Достойное по делам нашим восприемлем; помяни нас, Господи во Царствии Твоем*

(Лк. 23, 41–42). Всякую скорбь они встречают признанием, что они достойны ее (прп. авва Дорофей, Поучение 2).

Святой мир входит в сердца их за словами смирения! Он приносит чашу духовного утешения и к одру болящего, и в темницу к заключенному в ней, и к гонимому человека-ми, и к гонимому бесами.

Чаша утешения приносится рукою смирения и распятому на кресте; мир может принести ему только *оцет с желчию смешан* (Мф. 27, 34).

Смиренный неспособен иметь злобу и ненависть. Он не имеет врагов. Если кто из человек причиняет ему обиды — он видит в этом человеке орудие правосудия или промысла Божия.

Смиренный предает себя всецело воле Божией.

Смиренный живет не своею собственною жизнью, но Богом.

Смиренный чужд самонадеянности, и потому он непрестанно ищет помощи Божией, непрестанно пребывает в молитве.

Ветвь плодоносная нагибается к земле, пригнетаемая множеством и тяжестью плодов своих. Ветвь бесплодная растет кверху, умножая свои бесплодные побеги.

Душа, богатая евангельскими добродетелями, глубже и глубже погружается в смирение, и в глубинах этого моря находит драгоценные перлы: дары Духа.

Гордость — верный знак пустого человека, раба страстей, знак души, к

которой учение Христово не нашло никакого доступа.

Не суди о человеке по наружности его; по наружности не заключай о нем, что он горд или смирен. *Не судите на лица, но от плод их познаете их* (Ин. 7, 24; Мф. 7, 16). Господь велел познавать людей из действий их, из поведения, из последствий, которые вытекают из их действий.

Вем аз гордость твою и злобу сердца твоего (1 Цар. 17, 21), говорил Давиду ближний его; но Бог засвидетельствовал о Давиде: *обретох Давида раба Моего, елеем святым Моим помазах его* (Пс. 88, 21).

Не тако зрит человек, яко зрит Бог. Яко человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце (1 Цар. 16, 7).

Слепые судьи часто признают смиренным лицемера и низкого человекоугодника: он — бездна тщеславия.

Напротив того, для этих невежественных судей представляется гордым не ищущий похвал и наград от человеков и потому не пресмыкающийся пред человеками, а он — истинный слуга Божий; он ощутил славу Божию, открывающуюся одним смиренным, ощутил смрад славы человеческой и отвратил от нее и очи, и обоняние души своей.

«Что значит веровать?» — спросили одного великого угодника Божия. Он отвечал: «*Веровать — значит пребывать в смирении и милости*» (Алф. Патерик. Об авве Пимене Великом).

Смирение надеется на Бога — не на себя и не на человекoв, и потому оно в поведении своем просто, прямо, твердо, величественно. Слепотствующие сыны мира называют это гордостью.

Смирение не дает никакой цены земным благам, в очах его велик — Бог, велико — Евангелие. Оно стремится к ним, не удостаивая тление и суету ни внимания, ни взора. Святую хладность к тлению и суетности сыны тления, служители суетности называют гордостью.

Есть святой поклон от смирения, от уважения к ближнему, от уважения к образу Божию, от уважения ко Христу в ближнем. И есть поклон порочный, поклон корыстный, поклон человекоугодливый и вместе человеконенавистный, поклон богопротивный и богомерзкий: его просил сатана у Богочеловека, предлагая за него все царствия мира и славу их (Лк. 4, 7).

Сколько и ныне поклоняющихся для получения земных преимуществ! Те, которым они поклоняются, похваляют их смирение.

Будь внимателен, наблюдай: поклоняющийся тебе покланяется ли из уважения к человеку, из чувства любви и смирения? Или же его поклон только потешает твою гордость, выманивает у тебя какую-нибудь выгоду временную?

Сильный мира сего! Вглядись: пред тобою пресмыкаются тщеславие, лесть, подлость! Они, когда достигнут своей цели, над тобой же будут насмехаться, предадут тебя при первом случае. *Щедрот твоих никогда не изливай на тщеславного: тщеславный сколько низок пред высшим себя, столько нагл, дерзок, безчеловечен с низшими себя*

(Лествица, Слово 22, гл. 22). Ты познаешь тщеславного по особенной способности его к лести, к услужливости, ко лжи, ко всему подлому и низкому.

Пилат обиделся Христовым молчанием, которое ему показалось гордым. *Мне ли*

, сказал он,

не отвечаешь? или не знаешь, что имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?

(Ин. 19, 10). Господь объяснил свое молчание явлением воли Божией, которой Пилат, думавший действовать самостоятельно, был только слепым орудием. Пилат от собственной гордости был неспособен понять, что ему предстояло всесовершенное смирение: вочеловечившийся Бог.

Высокая душа, душа с надеждою небесною, с презрением к тленным благам мира неспособна к мелкой человекоугодливости и низкопоклонности. Ошибочно называешь ты эту душу гордою, потому что она не удовлетворяет требование страстей твоих. Аман! Почти благословенную, богоугодную гордость Мардохея! Эта, в очах твоих, гордость — святое смирение.

Смирение — учение евангельское, евангельская добродетель, таинственная одежда Христова, таинственная сила Христова. Облеченный в смирение Бог явился человекам, и кто из людей облечется во смирение, соделывается Богоподобным.

Аще кто хочет по Мне ити, — возвещает святое Смирение, — да отвержется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет

(Мф. 16, 24). Иначе невозможно быть учеником и последователем Того, Кто смирился до смерти, до смерти крестной. Он воссел одесную Отца. Он Новый Адам. Родоначальник святого племени избранных. Вера в Него вписывает в число избранных; избрание приемлется святым смирением,

запечатлевается святою любовью. Аминь.

[Вернуться к содержанию](#)

[1] Из книги «Творения. Аскетические опыты».